

Юлия Белинская

Пока умирала любовь

Роман

Мое коронное блюдо — мясо под белым соусом. Но в последнее время готовлю его я редко, только по праздничным дням или в особо торжественных случаях. Две работы не оставляют времени не то что на кулинарные подвиги, но даже на нормальный сон. А сколько времени я не была в парикмахерской, солярии — страшно подумать! Волосы я теперь крашу сама — это и быстрее, и дешевле, и утренний макияж давно уже делаю на автомате — за 10 минут. Да и гардероб основательно обновить не мешает, ношу не то, что красиво, а то, в чем поудобнее бегать с работы на работу. И как это Денис все еще любит меня, такую незамысловатую особу, при том, что сам он — парень видный, и на 5 лет моложе меня? Хотя причем тут мой вид? Любят ведь не за что-то, а вопреки. Это сначала, во время первых встреч мужчина рассматривает тебя, твое лицо, фигуру, волосы, а потом он уже воспринимает тебя целиком, просто твой образ — такой, какой у него сложился в голове, и никаких мелочей не замечает.

Он тебя любит и все! Любит не за новое платье, и не за косметику на лице, а за твои душу и ум, в общем, за твою сущность.

Размышляя и утешая себя таким образом, тем более, что лишних денег на салон красоты и обновление гардероба пока не намечалось, я доставала из духовки благоухающую запеканку — то самое мясо под белым соусом, приготовленное в связи с тем, что у меня гостила мама — очень редкое явление в моем доме.

В этот момент на кухню зашла мама и, увидев меня, почему-то удивилась и даже испугалась.

— Дочка, ты здесь? А я думала, ты в спальне с Денисом...

— Мам, скоро будем кушать. Денис устал на работе и сказал, что приляжет перед ужином.

Я продолжала хлопотать над плитой, но тут прямо спиной почувствовала странное мамино молчание и повернулась к ней.

— Мам, а что такое?

Вид у мамы был растерянный, казалось, она подбирает слова.

— Мам, да что такое, в самом деле? — я начала сердиться.

— Дочка, а ты уверена, что у твоего Дениса никого нет, кроме тебя?

Я опешила.

— Мам, с чего ты взяла? Что ты хочешь

сказать? Кто у него есть, кроме меня?

— Я имею в виду другую женщину, — голос у мамы был упавший.

Мне стало нехорошо. Я замерла, забыв, что у меня в руках горячий противень.

— Мама, что случилось? С чего ты это взяла?

— Дочка, ты меня уж извини, может мне, конечно, показалось, может, я что-то путаю, но сейчас я слышала разговор...

— Мама, какой разговор? Ну не тяни же...

— Я слышала разговор в вашей спальне. Денис с кем-то долго говорил. Я думала, он говорит с тобой, а ты, оказывается, была на кухне. Значит, Денис говорил с кем-то другим, по телефону, наверное. Я не подслушивала, просто дверь была открыта, и мне в моей комнате все было слышно, не очень хорошо, но достаточно разборчиво. И сразу было понятно, что Денис говорит с женщиной, вот я и подумала, что он говорит с тобой. Он говорил не шепотом, громко, и мне было слышно...

— Мама, он говорил не со мной, — я начала волноваться. — Я на кухне торчу второй час, жарю мясо и делаю салат. С чего ты взяла, что он мне изменяет? Он что, по телефону не может поговорить? Тем более, ты говоришь, что он не шептал и не прятался! Может, он с матерью своей говорил. Она любит ему постоянно названивать.

— Ну не знаю, дочка, — мама совсем

расстроилась. — Тебе, конечно, лучше знать своего мужа. Чего я буду лезть в ваши дела? А только с матерью так не говорят. Так говорят мужчины со своей женщиной. Вот я и подумала, что он говорит с тобой...

Мне стало настолько нехорошо, что я вскрикнула: «Мама! Да ради всего святого! Как он говорил? Что он говорил? Что ты слышала?»

— Я, дочка, вот, что слышала. Денис, как бы это сказать, ворковал. Да, он ворковал, смеялся, что-то рассказывал, шутил... Анекдоты, похоже. В общем, он говорил так, как влюбленный мужчина говорит с женщиной. С матерью разве так говорят, дочка? Ты уж прости меня, но с матерью так не говорят.

Услышанное было настолько невероятным, что мой разум начисто отказывался верить маме. Она что-то напутала, такого не может быть! Чтобы мой Денис мне изменял, да еще таким открытым образом, даже не закрывая дверь при разговоре с любовницей! Этого просто не может быть. Моя мама не знает, как сильно Денис любит свою мать, как часто и подолгу он разговаривает с ней по телефону, как подробно рассказывает ей обо всем и всем с ней делится. Да, мой муж — маменькин сынок, неприятно, но не смертельно, я с этим уже смирилась. Но он не изменник, и никогда им не был. Измену я бы почувствовала сразу, у меня на

нее нюх. Если бы Денис мне изменял, я бы это сразу узнала! Так что, мама, ты ошиблась. Ошиблась, и все!

Проглотив подступивший к горлу ком, я перевела разговор на другую тему. Мама ее поддержала, и мы какое-то время вели пустой ненужный диалог, пока я накрывала на стол. На сердце было тяжело.

Денис вышел на кухню, сказал, что от вкусных запахов ему не спалось. Заметил, что под такой стол нужно не красное вино, которое я поставила, а что-нибудь покрепче. Я достала из холодильника бутылку виски — «нз» на новый год, ладно уж, купим еще, тем более, что до нового года оставалось больше месяца.

Мы сели за стол. Виски обжог пустой желудок, и я вспомнила, что не ела со вчерашнего дня — утром была чашка кофе, а пообедать сегодня было некогда, на работе — аврал. Стуча вилкой, Денис пространно рассуждал об особенностях белого соуса, который, оказывается, проявляет себя только в сочетании с крольчатинной — едой королей, и все такое. Залпом выпив вторую порцию виски, я поймала на себе осуждающий взгляд мамы, которая только пригубила рюмку. Ничего, в конце концов, мне не пятнадцать лет, я у себя дома, и отчитываться ни перед кем не должна, а выпить что-то хочется — хреново мне, и на душе так

муторно, что не передать.

— Эля, а ты не много пьешь? — сказала мама, когда я опрокинула в себя третью рюмку.

— Ну что вы, Лариса Ивановна, для Эли это не много. Она может выпить намного больше, — пошутил Денис, чем окончательно испортил мне настроение.

Сославшись на то, что надо пораньше лечь, мама ушла спать. На кухне воцарилось молчание. Денис сосредоточенно ел и смотрел телевизор, я мыла посуду. Спросить у него, с кем он говорил по телефону? Возмутится, что за допрос. Нет, так не пойдет. А как? Может, спросить, как дела у его мамы, давно ли она звонила? Скажет, с каких это пор тебя интересуют дела моей матери, вы же терпеть друг друга не можете?

Погруженная в размышления, я молчала. Денис встал из-за стола и сказал, что пойдет поиграет. И как это взрослые мужики могут часами, а иногда и днями тупо играть в компьютерные игры — этого я понять не могу. И ничто их при этом не заботит — ни долги за квартиру, ни пустой холодильник. Компьютерная игрушка для них, как наркотик, а игроман — тот же наркоман, и вот такой мне достался муж. При любой возможности он играл: дома, на работе, бороться с этим бесполезно.

Денис ушел в спальню, а я уставилась на

недопитую бутылку виски, машинально вылила остатки в чайную кружку и залпом выпила. Голова наполнилась белой ватой, сквозь которую где-то далеко потихоньку попискивал тоненький голосочек: что же делать? Что же делать?

На другой день был выходной. Я проснулась от того, что надрывно пищал телефон. Не открывая глаз, я пощупала кровать — пусто, значит, Денис уже встал и сейчас, наверное, где-то на кухне. Господи, как же хочется спать, а тут этот проклятый телефон, пищит и пищит. Я открыла глаза, и на прикроватной тумбочке увидела телефон Дениса, который требовательно звонил. Мамаша хочет отчет, как спалось ненаглядному сыночку, а сыночек-то и не слышит. Ничего, позвонит-позвонит, и успокоится. Телефон замолчал, а я собиралась еще поспать. Противная мелодия опять заиграла. Mamochka, ну имейте совесть, выходной ведь у людей. Вот и поспишь в кои-то веки! Я встала, взяла телефон и поплелась с ним на кухню, чтобы отдать Денису. По дороге я взглянула на дисплей, и меня словно молнией обожгло определившееся на нем имя — Оксана.

Денис сидел за столом.

— Денис, тебе звонят! — я отдала мужу телефон. Он посмотрел на экран, потом на меня, почему-то смутился и сбросил вызов. А затем

вскочил и пошел в нашу спальню. Я отправилась за ним. Все случилось так неожиданно, что я совершенно не представляла, что я сейчас скажу, и что я буду делать.

— Денис, кто это был? И почему ты не взял трубку?

Вид у мужа был растерянный и испуганный. Он молчал.

— Денис, я тебя спрашиваю, что это за Оксана и почему она тебе так настойчиво звонит, а ты отбиваешь звонок?

— Это с работы, — нехотя выдавил муж.

Мы когда-то вместе работали, и я прекрасно знала работу мужа, всех его сослуживцев, то, что на его работе сейчас никого нет и то, что ему не могут позвонить с работы в выходной день. В груди заболело, и я почувствовала, как неудержимо подкатывают слезы. Я молчала и смотрела на Дениса. Он, кажется, понял, что врет неудачно, и, пряча от меня глаза, опять пошел на кухню. Я почувствовала, что сейчас случится что-то ужасное, но упрямо отправилась за ним.

— Денис, ты держишь меня за дуру? Ты долго еще будешь бегать от меня по квартире? Я тебя спрашиваю, что это за Оксана, кто она такая, и почему она звонит тебе с работы в выходной день? Откуда у нее номер твоего мобильного? Кто она такая, черт возьми? — мой голос предательски

задрожал, и всю меня затрясло.

Денис сидел за кухонным столом, изучал его поверхность и молчал. Я стояла и ждала.

— Она — моя знакомая, — тихо сказал он.

— Как это — знакомая? Я что-то не понимаю. Какая еще знакомая? Откуда она взялась? Почему она звонит тебе в выходной прямо с утра? Что ей нужно от тебя? Отвечай!

— Она звонит, потому что мы договорились сегодня встретиться. Мы с ней... дружим, — выдавил Денис.

— Как это дружите? — Я почувствовала, как перед глазами все плывет. — Тебе что, десять лет? Ты дружишь с девочками? Ты ей портфель носишь что ли? За ручку ходишь? Это так теперь называется? — Я старалась говорить спокойно, но не могла, меня всю колотило.

— Да. Мы дружим. Это не то, что ты думаешь. У нас ничего не было. Мы просто встречаемся. Гуляем. Разговариваем. Нам хорошо вместе. Она... молодая девушка. Мы с ней просто дружим. — Денис нес эту чушь, а я не верила своим ушам.

Не в силах больше сдерживаться, я закричала:

— Ах! Вы дружите! А она знает, что ты женат? Знает, что если жена увидит ее звонки, то у жены будут вопросы? Или ты сказал, что живешь один? Что ты холостой, свободный? Денис и

Оксана у нас дружат! Она — твой друг, а я кто? Со мной ты, значит, больше не дружишь, а дружишь ты у нас теперь с Оксаной! И когда ты успел с ней подружиться? Пока я пашу на двух работах, деньги для нас зарабатываю? То-то, я смотрю, столько у тебя дел в последнее время появилось, и все по вечерам. Такой прямо стал всем помощник, весь нарасхват! Ты меня обманывал и в это время был с ней? Ты с ней эти вечера дружил? — я в упор смотрела на Дениса, а по щекам текли слезы.

— Думай, что хочешь. Я не собираюсь оправдываться, — сказал Денис и отвернулся.

Он даже не пытался меня разубедить, хотя я этого ждала. Надеялась на чудо, что он как-то все объяснит и разрешит ситуацию. А он и не собирался. Он просто ставил меня перед фактом, что у него роман, и предоставлял мне все решать самой. Получается, он и дальше собирался «дружить».

Происходящее казалось страшным сном. Из груди стал подниматься твердый комок, добрался до горла и там застыл.

— Собирай вещи, — с трудом выговорила я, ушла в нашу спальню и закрылась на ключ. Через несколько минут я услышала, как громко хлопнула дверь.

Хорошо, что в этот момент мамы не было дома. Она встала раньше всех и куда-то ушла,

наверное, на рынок. Поэтому наш разговор с Денисом прошел мимо нее. Вернувшись, мама застала меня в слезах. Я ей все рассказала.

— Дочка! Какой подлец! Прямо под носом закрутил шашни, пока ты столько работаешь! — была мамина реакция.

Но я к этому времени хорошо наревелась и немного остыла. Может, я погорячилась, так бурно отреагировав на эту «дружбу»? Я, и правда, в последнее время уделяла ему мало внимания. Может, все еще наладится? Сквозь слезы я высказала свои сомнения, но мама их не разделила.

— Эля. Я не сказала тебе вчера всего, что слышала, побоялась разрушить вашу семью. Скорее всего, у Дениса с этой Оксаной намного серьезнее, чем тебе хочется. Я слышала, что речь шла о какой-то квартире, которую они должны были вместе идти и смотреть. Возможно, они собираются ее снимать. А Денис, наверное, собирался уйти от тебя тогда, когда у него будет окончательно готово новое гнездышко. Вот такой он практичный.

Я опять заревела.

— Мама, если бы ты все это сказала мне вчера! Господи, какая же я дура!

— Дочка, что бы изменилось? — спрашивала мама. — Ну, узнала ты на день позже, это же ничего не меняет.

— Это меняет. Тогда бы не было... — я

замолчала. Мама не знала, что тогда бы не было той мерзкой ночи, которую я пережила, а я не могла ей сказать об этом.

По зрелому размышлению, когда я уже больше не могла плакать и просто сидела долгие часы в спальне, уставившись в стену, в моей голове начала складываться картинка. Этой «дружбе», судя по фактам, было уже где-то два месяца. Именно такое время муж удивлял меня необычными поступками.

Например, однажды он позвонил мне на работу и спросил, во сколько я вернусь домой, чего раньше никогда не делал. Я удивилась и ответила, что буду поздно, так как много работы. Этот ответ Дениса не удовлетворил, он стал допытываться — во сколько часов я буду дома? Странность этого разговора кольнула меня, но я не поняла, в чем дело. Я сказала, что буду примерно в девять часов, а что? Денис ответил, что очень скучает, и будет ждать меня дома ровно в девять. Только теперь мне стал понятен смысл этого звонка. Оказывается, Денису надо было точно знать, во сколько я приду, чтобы успеть до этого времени погулять с Оксаной, и вернуться домой раньше меня. Такой же новый смысл приобретали теперь все его задержки с работы, внезапные отлучки «на полчаса» и неожиданные звонки с целью выяснить, где я и чем

занимаюсь. Вспоминая и выстраивая цепь этих странных, а сейчас вполне объяснимых поступков моего мужа, крутившего роман на стороне, я осознала, насколько была слепа. Я любила и верила, не замечала очевидных вещей, и даже не слышала маму, когда она спрашивала в лоб о неверности мужа. А моя душа все уже чувствовала — вот откуда депрессия и слезы, которые непонятным образом стали все время вылезать наружу.

За размышлениями я не обратила внимания на то, что уехала мама, получив с меня обещания, что я себя нормально чувствую, не собираюсь вешаться из-за какого-то подлеца, и все у меня будет хорошо. Я даже не обратила внимания на то, что через пару дней пришел Денис, стучал в дверь теперь уже только моей спальни и просил о чем-то со мной поговорить, а я ответила, что разговаривать нам не о чем, и не открыла. Я безучастно слышала, как он ходит по квартире, собирая вещи. Как смотрят в чужой аквариум с заморскими рыбками, я видела в окно, как он с большими сумками грузился в такси и уезжал из моей квартиры и моей жизни.

Я была в прострации, и жила только внутри своей головы, пытаюсь понять, как со мной такое могло случиться. Наконец, я увидела, что весь наш брак, все шесть лет, которые мы с Денисом прожили вместе, держались только на мне. Я любила его, а он меня — нет. Я затащила его в

наши отношения и незаметно заставила жениться. Когда он все-таки очнулся и понял, что увяз, было уже поздно и было, что терять.

Была ли я с ним счастлива? Нет. Теперь я себе в этом призналась. Я всегда чувствовала, что нелюбима, и это было тяжело. Я скрывала правду от себя самой. Что может быть тяжелее для женщины, чем чувствовать, что твой мужчина тебя не любит, а только делает вид? Нелюбовь проявляется в каждом взгляде, каждом жесте, днем и ночью, и как бы тебя ни уверяли в обратном, нелюбовь не спрячешь, так же, как любовь. Время от времени я взбрыкивала и хотела расстаться с Денисом, чувствуя, что с ним я зря трачу время, но Денис вцеплялся в меня мертвой хваткой, клялся в любви и говорил, что жить без меня не может. После этого он играл роль влюбленного мужчины: дарил цветы, оказывал знаки внимания, был нежным и заботливым. Но потом все возвращалось на круги своя: отчуждение, холодность, выключенный телефон. Одиночество в браке — вот, как это называется. Когда я впервые прочитала такое определение в книжке, кольнуло сердце, потому что в этих словах я узнала себя.

Почему Денис все-таки жил со мной? Раньше этот вопрос я не раз задавала себе, а теперь нашла на него ответ. Ему просто было комфортно со мной. Я была его временным убежищем в ожидании

чего-то более подходящего. Со мной он мог отсидеться с наименьшими затратами — моральными и материальными. Я предоставила ему кров, имущество, свое тело — все, что я имела, а ему в тот момент это и было нужно. Я всегда много работала и много зарабатывала, у меня водились деньги. Денис не был альфонсом в прямом смысле, нет. Он тоже работал, но предпочитал не напрягаться, и низкая зарплата для него не была поводом поменять работу. Больше работать, чтобы больше получать — было не его девизом. Денис хотел от работы одного — спокойствия, только спокойствия!

В начале нашей семейной жизни Денис зарабатывал втрое меньше меня, и я опасалась, что у него будет комплекс по этому поводу. Ничуть! Он чувствовал себя нормально и прекрасно жил на мои деньги, когда кончались его собственные. Денис увидел, что со мной он может жить намного лучше и комфортнее, чем если бы он жил один. Шли годы, и перекося в доходах рос, а потом ситуация сложилась так, что его небольшие деньги — были только его деньгами и шли ему на карманные расходы, а мои доходы были нашими общими, с которых оплачивалась вся наша совместная, далеко не скромная жизнь. А я тянулась и понимала, что если я стану меньше работать, вся наша жизнь пойдет под откос, потому что обеспечивала ее я, а

не муж.

Я анализировала, как Денис ненавидел принимать важные решения, предоставляя это мне. Где мы будем жить, на чем будем ездить — решала я. Что с нами будет завтра, через год, какую надо работу, как ее получить — заботилась я. Денис все это время безмятежно жил за моей спиной, как растение в теплице: ел, спал, сидел за компьютером и не забивал себе голову подобными проблемами.

Судя по всему, он знал о временности нашего брака, и вел себя соответственно. Поэтому и не заботился о глобальных вещах, направленных на будущее. Какая разница, какую я хочу купить квартиру или машину? Ведь ему этим недолго пользоваться. А вот к покупке одежды он относился ревностно, потому что понимал: если что, это он попозже заберет с собой.

Я вспоминала, как Денис любил, когда ему покупали одежду, и мне становилось горько. К одежде он относился, как капризная модница, и часто клянчил какую-нибудь обновку. Его не интересовало, что деньги сейчас нужны на что-то другое, более важное, или их в настоящий момент нет. На отказ купить ему новую шмотку мог надуться и не разговаривать несколько дней. И я не выдерживала и соглашалась. Мы покупали ему вещи намного чаще, чем мне — женщине. Он, как будто, запасался одежками и безделушками впрок,

на то время, когда лафа закончится.

И вот она кончилась. Ты, Денис, теперь в свободном полете. Надеюсь, это пойдет тебе на пользу и превратит в нормального мужика. Ощути всю полноту жизни во всех ее проявлениях. Попробуй сам отвечать за себя и обеспечивать свой быт. Столкнись с суровой реальностью, где каждому приходится жить так, как он заслуживает. Теперь тебе придется привыкать к чужой квартире, к убогой обстановке, бедной одежде и нищете. А если привыкать не захочется, придется, Дениска, попахать так, что будет не до романтических прогулок и вздохов при луне. Хотя ты, Денис, вряд ли станешь утруждаться, и опять постараться прилепиться к какой-нибудь женщине.

Интересно, Денис, кто теперь будет думать за тебя, решать за тебя, терпеть твои капризы и дарить тебе подарки? Оксана? Вряд ли у молодой девушки найдутся такие возможности. Скорее всего, того же самого она теперь потребует от тебя.

Передумав тысячу раз одно и то же и все перемусолив, я почувствовала, что мне становится легче, но в горле все еще стоял тот противный ком, который возник девять дней назад. Из-за него я не могла ни есть, ни спать. Я вспомнила, что мне пора перестать «болеть», и нужно выходить на работу, точнее, на обе мои работы.

Выйдя на первую работу, я сразу узнала «приятную» новость, что так как заболела во время аврала, а работать за меня было некому, то на мое место временно взяли молодого специалиста, который за это время успел хорошо себя зарекомендовать, и его решили оставить. Так что теперь мои обязанности делятся на двоих во избежание случаев, когда незаменимый сотрудник заболел и поставил организацию в тяжелые условия. При этом с меня снимаются все льготы и поблажки, как с человека с повышенной нагрузкой. Так что работы прибавится, но теперь нас двое. И зарплата моя, конечно, теперь тоже делится на двоих. Фактически, мне предложили делать прежний объем работы за половину моей зарплаты, да еще так хорошо повернули, что, мол, сама виновата, это мы пострадали. Я поняла, что воспользовавшись единственным удобным случаем, мой начальник решил от меня избавиться. Он давно видел во мне конкурента, боялся, что подсижу, а кроме того, душила жаба, что я успеваю работать где-то еще. Значит, я у них не дорабатываю, кривился он, а получаю полноценную зарплату, как все остальные сотрудники. Объяснять, что два человека могут делать одно и то же по-разному и с разной скоростью, ему было бесполезно.

Вспылив из-за такого произвола, я сразу написала заявление по собственному. Собираясь на

выход, я видела радость в глазах начальника, для которого личные интересы перевешивали интересы организации. Он знал, что на мою зарплату может нанять даже не двоих, а троих молоденьких девчонок, которые как-нибудь совместно вытянут, зато будут молиться на него и не создавать проблем.

На второй работе, слава Богу, все было в порядке. Мои девчонки меня встретили радостно, сказали, что соскучились, и что заметное похудение после болезни мне даже идет. Я попыталась сосредоточиться на запущенных делах, но в голову лезли одни безрадостные мысли.

Да, финансовое положение мое пошатнулось. Я привыкла жить на широкую ногу, и считала, что надо не экономить, а больше зарабатывать. У меня сложился довольно высокий уровень жизни, и не всегда это было связано лично со мной, а, в основном, с тем, кто и что меня окружало. Совсем недавно я улучшила жилищные условия, продав старую квартиру и купив новую в два раза больше. Чтобы доплатить разницу, я взяла значительную сумму в кредит, который рассчитывала быстро погасить. Квартплата за новую квартиру тоже обходилась в копеечку, так как площадь была немаленькой. Я ездила на дорогой иномарке, которая много и регулярно «кушала». А, самое главное, у меня был сын-первокурсник, который

учился в платном вузе, жил в другом городе и, естественно, полностью от меня материально зависел. У меня и при двух-то зарплатах сбережений почти не было, а теперь я остаюсь с одной.

Как ни крути, а финансы скоро споют романсы. Надо срочно искать еще одну работу, только вот где и какую? Все вокруг говорили о начавшемся кризисе, что предстоят сокращения, а тем, кого оставят, будут урезать жалованье. А тут я такая: «Здрасьти! Возьмите меня — ценного работника!» Да, не вовремя я проявляю характер и бросаю по «собственному». Но ничего не поделаешь, такая уж я уродилась.

Сколько себя помню, никогда ни перед кем не унижалась, и всегда, когда был выбор: собственное достоинство или компромисс, я выбирала первое. Порой для окружающих это казалось такой блажью, что они открывали рот. Знаю, с таким подходом я балансировала на грани и рисковала получить крупные неприятности. Мама считала упрямство — моим большим недостатком и говорила, что это меня до добра не доведет.

Помню, как несколько лет назад на моей первой работе я добивалась свободного графика. Начальник в изумлении посмотрел на меня и сказал: «Эллина, ты с ума сошла что ли? Нашей организации уже 48 лет, и никто никогда у нас так

не работал. Наша работа вообще не предполагает такого! У нас режимное предприятие! У нас за опоздание в 3 минуты увольняют, а ты хочешь приходить, когда вздумается и уходить, когда тебе заблагорассудится. Иди работай, и выкинь эту дурь из головы!»

Я пошла и уже на генерального директора написала документ, в котором обосновала свое желание. Там я указала, что род моей деятельности не предполагает привязки к рабочему месту, вся моя работа происходит в моей голове, такой же стол и компьютер есть у меня дома, задание я получаю от начальника, в основном, по телефону, а телефон у меня тоже есть, вся моя работа будет выполняться в полном объеме и надлежащего качества, и предприятие никоим образом не пострадает от того, где именно и за какое время я буду ее выполнять. Я привела статистические факты, что за границей в организациях, где разрешили сотрудникам уходить сразу после того, как их работа будет выполнена, производительность труда повысилась на 40 %. Ну и, конечно, в заключение я написала, что если руководство не пойдет мне навстречу, а семейные обстоятельства у меня такие, что мне позарез нужен свободный график, то я увольняюсь, и не потому, что хочу напугать, а потому, что вынуждена это сделать. К этому опусу я приложила заявление об

уходе.

После такого финта ушами вся организация была уверена, что меня уволят. Я, конечно, была к этому готова. Через две недели, когда я уже передала дела и получила расчет, практически на выходе меня задержали и пригласили к генеральному. Я победила! Они пошли на мои условия. С тех пор я работала по свободному графику, действительно приходила и уходила, когда мне было нужно, а охрана на входе скрежетала зубами при виде меня.

После этого я еще устроилась в издательство, где царил творческий хаос, и свободный график был нормой, большинство сотрудников вообще работали дома и периодически появлялись, чтобы сдать работу и получить гонорар. Я старалась не злоупотреблять такой свободой и проводила в офисе значительное время, что помогло мне за короткое время упрочить мое положение и увеличить мое вознаграждение. Через полгода я была уже ведущим журналистом, а через год — руководителем отдела.

— Эллина, тебя к телефону.

Я очнулась от раздумий и взяла трубку.

— Эллина Азизовна, здрасьти. Это Перепелкина. Вы уже вышли? С выздоровлением Вас! Я немного подзадержу статью о Цветкове?

Они, оказывается, завтра дают дополнительный концерт, и там будет сам Цветков и еще, этот, депутат, короче. Они там хотят выступить и опять что-то дарить. Я думаю сходить туда и это тоже добавить в статью, — затараторила трубка.

— Лен, ну мы ж договорились, без отчества и на «ты». Что ты, в самом деле? Не надо задерживать, присылай, как есть. Марина ждет. Статья была нужна вчера, ты ж знаешь. У них эти акции каждый день идут, сейчас же выборы на носу. Не стоит оно того.

— Значит, не надо? — голос у молоденькой журналистки «на новостях» упал.

— Не надо. Давай, Лен, присылай, как есть. Это срочно. И лучше переключись на филиппинцев.

Я положила трубку и опять устала в стол, где лежал график выхода номеров.

— Эль, пойдём чайку попьём, — ко мне подошла Маринка.

Мы пошли в боковую комнатку, которая вообще-то была гардеробной, но давно уже стала чайной, а раздевались мы прямо в отделе. Здесь стоял маленький диванчик, стол, холодильник и шкафчик с посудой. На полу лежали стопки журналов.

Маринка налила мне душистого чаю и придвинула рулет, нарезанный без премудростей, на картонке.

— Ну, давай, рассказывай, — она пристально смотрела на меня.

Я опять почувствовала шум в ушах и подкатывающиеся слезы. Господи, когда же отпустит!

— Прикинь, этот козел из моего дома и на моей машине ездил на свидания. Короче, я застукала его и выгнала.

— С кем? Ты ее знаешь?

— Да какая разница с кем? Нет, не знаю, и знать не хочу. Я, как идиотка, пашу, только ремонт запланировали, вся избегалась, всю голову изломала! А эта тварь амуры крутит! У нас, говорит, ничего не было, мы просто встречаемся и дружим! И я, говорит, перед тобой оправдываться не собираюсь! — я заплакала.

— Эля, успокойся. А я знала, что все этим и закончится. Я тебе всегда говорила. Ишь ты, нашла из-за кого реветь! Я вообще не понимаю, что ты в этом Денисе нашла — ни рожи, ни кожи. Чего ты вообще в него вперилась! Урод такой, страшно посмотреть! А как он к тебе относился! Да он ноги об тебя вытирал! Нашел себе дойную корову. А ты все вокруг него прыгала: Денисик то, Денисик се! Смотреть противно. А он с тобой просто сидел и ждал, когда кто-нибудь получше подвернется.

Я вытерла слезы.

— Ты, правда, все это видела?

— Да это все видели! Не любил он тебя ни капли. Он вообще был никакущий. Вот никакущий и все! Никто не мог понять, чего ты в нем нашла. Что он в тебе нашел — это все знали. А вот, на фига он тебе сдался — вот этого никто не мог понять.

— Мариш, ты ж знаешь, я его любила. Любила и все! Как дура, знаю, как идиотка, но вот взяла и влюбилась в него до потери пульса.

— Влюбилась, влюбилась! Хорош сопли распускать. Ты из-за него что теперь, хочешь угробить себя, всю жизнь под откос пустить? У тебя Димка, ты о нем подумала? Его еще на ноги надо поставить! А ты на работу не ходишь. И сейчас пришла вся черная, работать не можешь. Где ты была столько дней? Честно скажи, где, пила что ли?

— Нет, что ты. Правда хотелось напиться до чертиков, но я побоялась, вдруг мне еще хуже станет. Просто сидела в квартире, никуда выходить не хотелось. Как будто мешком пыльным по голове ударили.

— Ты вообще ела? Ты себя в зеркале видела?

— Мариш, да я вообще не могу есть, и даже не хочется! Представляешь? У меня в горле комок стоит, проглотить не могу. Это ужас какой-то, сроду не думала, что может быть так тяжело! Вот читаешь про других, и, кажется, ну ерунда, ну подумаешь, мужик изменил, пинком его под зад!

Нового найдешь! А когда сам в такое попадаешь, думаешь: и как эти бабы такое пережили, и как они руки на себя не наложили? Это ж прямо физическая боль, физическая! Ты мне веришь? У меня прямо внутри все болит!

— Ты это прекращай давай! И чтоб я этого больше не слышала. Задумала из-за козла так убиваться. Да ты на себя посмотри. Ты умница, красавица, да еще при деньгах. Где он еще такую найдет? Да он к тебе еще приползет, проситься назад будет! Только не вздумай его пускать. У тебя еще сто таких будет. Да с тобой и с твоим приданым ты в мужиках, как в сору должна копаться, выбирать: он тебе подходит или нет. Вот увидишь, сейчас мужики с голой жопой быстро начнут в очередь выстраиваться, гоголем перед тобой расхаживать. А ты не будь дурой и поглумись, как следует.

Я высморкалась в платок и попробовала улыбнуться.

— Мариш, ну что ты такое несешь? С какой голой жопой, какие мужики? Кому я нужна? Все нормальные давно уже женатые. Да я сейчас о мужиках даже думать не могу, и смотреть на них не могу. Не нужны мне эти козлы! Мне кредит платить надо и Димку учить. Ты знаешь, меня сегодня с фабрики уволили. Вернее, я сама уволилась, потому что я вышла, а они на меня наехали и сказали, что

зарплату в два раза урежут. А я психанула и написала по собственному. У меня сейчас нервы ни к черту.

— А вот это действительно хреново. Сейчас работу трудно найти, всех увольняют. У моего Саньки на работе все трясутся, и задницу начальству лижут, чтоб под сокращение не попасть. Детей-то всем кормить надо. Чего делать будешь?

— Не знаю, Мариш, не знаю. В голове такой хаос. Сейчас приду в себя, осмотрюсь, и буду думать. Ладно, пошли поработаем что ли? Номер надо сдавать.

Вечером я решила заехать в магазин и купить хоть какую-то еду, потому что, заглянув вчера в холодильник, я выбросила все продукты, даже недоеденное мясо под белым соусом покрылось плесенью. Я долго ходила между полками, собираясь купить то, что вызовет у меня аппетит. Поскольку этого так и не случилось, в корзину я положила хлеб, пакет кефира, пачку чая и бутылку виски. То, что совсем не хочется есть, даже хорошо, деньги будем экономить на еде. В кармане заиграл телефон.

— Эльчик, привет. Узнала? А это я! Как дела, моя дорогая? Сто лет не виделись! — звонила моя старая подруга, с которой когда-то мы вместе работали, потом просто дружили, а полгода назад

она уехала к крутому бойфренду в Москву.

— Светка, привет! Ужасно рада тебя слышать! Ты где? Из Москвы звонишь?

— Эль, тут такое дело. Да, я сейчас звоню из Москвы, но буквально завтра буду в городе. — Светка замаялась. — Ты говорила у тебя новая квартира и много места... Не возражаешь, если я к тебе на пару дней нагряну? Обещаю за это убираться и всем готовить целыми днями!

— Свет, ну что ты, какой разговор. Конечно, приезжай! Что — с мамой опять поругалась?

— Да нет, тут другое. Там сейчас бабушке совсем плохо, и мама ее к себе забрала. А тут я еще со своими проблемами. Начнутся расспросы, охи да ахи. Им и без меня сейчас тяжело.

— А что случилось-то, Свет? Что, с Артуром рассталась?

— Эль, это долгий разговор, завтра приеду и все расскажу.

— Ну, хоть в двух словах! А то я спать не буду, гадать.

— Если в двух словах, козел он хороший! Приеду, расскажу.

— Я так и думала. Хорошо. Жду тебя с нетерпением. Ты как раз вовремя. Давай я тебя встречу? Ты с вещами?

— Нет, я же на два дня только. Мне просто с тобой повидаться хочется, пообщаться. Так все

достало, отосплюсь у тебя, отболтаюсь. И опять сюда, в Москву. Ты мне адрес давай.

Я продиктовала Светке адрес и сказала, что очень ее жду, и может ко мне приезжать хоть навсегда.

Выходя из магазина, я заметила, что за мной увязался какой-то мужик. Вид у него был немного потертый, а так вроде ничего. Я села в машину, чувствуя, как этот мужик остановился в трех метрах и пристально смотрит на меня. Что ему надо? Может, он меня знает откуда-нибудь? А вот я его, например, вижу в первый раз.

Я поехала и заметила в зеркало, как мужик сел в «десятку» и двинулся за мной. Может, ему в ту же сторону? Мужик ехал за мной до самого дома, чем изрядно испортил мне нервы. За это время у меня уже роилась масса версий от ограбления до сексуального маньяка.

Я вышла из машины, поставила ее на сигнализацию, и, заметив, что во дворе много людей, набралась смелости. Повернувшись к мужику, который опять стоял в трех метрах возле своей «десятки», я посмотрела на него в упор и как можно строже спросила: «Кто Вы такой, и что Вам от меня нужно?» Мужик покраснел.

— Девушка, Вы извините, я просто познакомиться с Вами хотел. Очень Вы мне понравились.

— Я замужем! — отрезала я и быстро пошла к подъезду. У меня что, на лбу написано, что я теперь одна и срочно нуждаюсь в мужике? Обалдеть! Напугал до полусмерти! Во мужики дают.

В квартире стояла мертвая тишина, и мне даже показалось, будто выключили отопление. Нет, батареи теплые. Что ж так холодно-то? Или меня знобит? Бардак такой везде. Надо бы прибраться, а то Светка в обморок упадет. Я прошла в огромный зал и села на диван. На душе — пустота, и делать ничего не хочется. А я так мечтала, как хорошо мы проживем с Денисом в этой квартире! Сделаем красивый ремонт и даже перепланировку.

Люблю большие кухни. Я считаю, что под кухню надо отдавать самую большую комнату в доме. Ведь все равно вся жизнь проходит на кухне. Все толпятся там. Вот Денис в кухне на диване даже спать пытался, а я его будила и отправляла в спальню. Я бы сделала из этого зала кухню-гостиную, с камином, с диванами, с красивыми сервантами. Тут бы собиралась вся наша семья и все наши гости. Мы завели бы собаку, а может, даже две. Тут было бы шумно, уютно и весело. Пахло бы вкусно пирогами и шоколадными конфетами. А вот в этом углу мы бы ставили новогоднюю елку, прямо до потолка. Я почувствовала, что в глазах опять защипало.

Хватит! Что толку думать о том, что было бы, если... Надо думать о том, что есть.

Я всегда была фантазеркой и строила планы. Я сама себе писала записки, что у меня будет через год, два, пять лет. Я чертила «Дом моей мечты» на листах бумаги и представляла: вот здесь у меня будет кухня, а здесь зал, большой холл, комната для гостей. Спальню я мечтала иметь на втором этаже, и чтобы из окна открывался изумительный вид на реку, а по ней плыли пароходы. Даже когда у меня ничего не было и я жила на съемной квартире, я мечтала и знала, что все это у меня когда-нибудь обязательно будет. Когда я еще ходила пешком и даже не имела водительских прав, я разглядывала проезжающие мимо роскошные иномарки и примеривала их на себя: вот эту я хочу, а вот такую бы не взяла. Намного позже в умных книгах я прочитала, что это, оказывается, классика, и так нужно поступать всем — побольше мечтать и описывать свои мечты на бумаге. Так ты делаешь заказ высшим силам, которые тебе это все дают. А я поступала так интуитивно, просто я люблю мечтать.

Плохо то, что потом в мои мечты проник Денис, и с ним я начала связывать свое будущее. Он стал неотъемлемой частью всех моих целей и планов. Если я представляла свою будущую кухню-гостиную, в ней обязательно находился

Денис. Если я представляла себя в Греции, то рядом обязательно был он. Сейчас я чувствовала себя так, как будто меня лишили будущего, ведь все намечтанное рассыпалось в пух и прах. А чтобы намечтать новое, нужно вагон времени.

К действительности меня вернул телефон, пришло сообщение. Не веря своим глазам, я увидела, что сообщение пришло с номера Дениса: «Привет! Как дела?» Как сажа бела! Я удалила сообщение и стерла номер Дениса из памяти телефона. Что? Уже засвербило? Недолго мучилась старушка в высоковольтных проводах... Козел! Я сняла со стены большую фотографию, где в обнимку стояли улыбающиеся, такие счастливые мы с Денисом, вытащила ее из рамки, порвала, а клочки понесла на кухню.

Убирая квартиру, я думала о Светке. Хорошо, что она приедет! Хоть будет, с кем словом перекинуться. А то прямо домой заходить не хочется. Идешь с работы и думаешь: куда, зачем, ведь там меня никто не ждет. Светка — молодец, унывать не любит. Хотя судьба ее тоже не баловала. Она мне напоминает Карлсона, не потому что Светка толстая, она очень даже стройная, а потому что она с моторчиком. Про таких говорят: у нее шило в одном месте. Светка вечно находила приключения на это свое место. У нее был пунктик — поиск богатого жениха. Ну, пусть не богатого, а

очень обеспеченного, чтоб при хорошей машине, квартире, деньгах. Обязательно холостой, и еще чтоб был красавец — высокий, спортивный, молодой. Я смеялась над Светкиными запросами и считала, что она никогда такого себе не найдет. Правда, Светка была умницей и красавицей, но как-то не умела себя выгодно подать, и просто фонтанировала энергией и напором, чем сразу отпугивала сильный пол.

Светка любила знакомиться по интернету, но не со своими городскими, а с москвичами, которые периодически к ней приезжали в наше захолустье. И сложилась такая закономерность: если приезжал замухрышка, хоть и москвич, то он не нравился Светке, и, проведя с ним из вежливости вечерок, она больше не хотела поддерживать отношения. Если прибывало что-то получше, то ему не подходила уже Светка, и после романтического ужина и ночи любви, кандидат на руку и сердце бесследно исчезал. Но Светка не унывала и продолжала закидывать удочку. Сколько их тут перебывало, дай Бог памяти, человек пятнадцать, пока не появился Артур. Я этого Артура сама не видела, но рассказывая о нем, Светка захлебывалась от восторга. Артур, по ее словам, был похож на греческого бога, ему бы в стриптизеры идти, а он занимался бизнесом. У него была своя фирма, офис чуть ли не в центре Москвы и много-много денег. К

тому же Артур был разведен и приехал на красном джипе.

— Элька, такой мужик, такой мужик! Ты даже не представляешь! Приперся с цветами прямо ко мне на работу! Все бабы просто попадали! А я, такая спокойная, говорю: это мой друг. Отпросилась у начальницы, и мы с ним поехали тусить. Все рестораны в городе объехали, он столько бабок выкинул! Заказывай, говорит, Светлана, чего душе угодно! Тут у вас такие цены низкие, гуляем! Принесите нам, говорит, самое дорогое вино, какое у вас есть. Это самое дорогое что ли? А получше ничего нет? Отпад! — Светкиным восторгам предела не было.

Вот этот самый Артур в итоге и увез Светку в Москву. С тех пор звонила она два раза, неизменно бодрым голосом говоря, что у них с Артуром все хорошо, и интересовалась моими делами. Что же все-таки у них произошло? Неужели этот гаденыш ее обманул? Никакой он не крутой, и не бизнесмен, наверное, и джип свой, небось, напрокат взял. А деньгами сорил, чтобы пыль в глаза пустить. А может, он ее даже бьет? Бедная Светка!

В это время на мой телефон опять пришло сообщение: «Чего молчишь?»

Светка ворвалась в мою прибранную и пахнущую свежим пирогом квартиру, как ураган.

— Эльчик! Я так по тебе соскучилась! — она схватила меня в охапку и расцеловала. Ее появление растрогало меня до слез.

Через пять минут мы уже сидели на кухне, и я доставала пирог. Виски Светка забраковала, заявив, что это страшная гадость, и достала из сумки бутылку французского вина. История с Артуром оказалась банальной.

— Эля, это же ужас! Фирма его — это две палатки с китайскими часами и другими побрякушками, которые стоят копейки, но и ломаются через два часа. Правда, претензий никто не предъявляет, знают ведь, что покупают. Офиса никакого в помине нет, я ему дома на компьютере накладные печатала. Квартира двухкомнатная в Куркино и то не его, а какого-то знакомого, который сейчас за границей живет, но может вернуться в любой момент. А джип — он, конечно, джип, но ему Бог знает сколько лет, и он еще за него всем должен. Трясется над ним, как осиновый лист. Курить в нем нельзя, ноги вытирай, когда садишься, пирожок и то нельзя съесть, а то крошки будут. Два раза в месяц Артур ездит за товаром с обычными клетчатými сумками, знаешь, с какими бабки ходят. И это бизнес? Раньше таких челноками звали, а сейчас как — не знаю.

— Как же ты протянула полгода? Мать, я что-то тебя не узнаю.

Светка смутилась.

— Знаешь, Эля, я бы даже на его бизнес-порнобизнес не посмотрела, если б вел он себя нормально, и был человеком.

— Ага, понятно, втрескалась в него, а он гуляет?

— Да не гулял он! Я ему такие секс-тренинги проводила, что захочешь гулять, да не сможешь. Тут другое. Вот представь. Приехали мы с ним в эту квартиру, бешеная страсть, любовь-морковь и все такое. Два дня из постели не вылезали. Потом Артур собрался на работу и говорит: «Детка, я люблю тебя, скоро буду, уже скучаю, а ты жди меня с ужином, продукты найдешь на кухне». Ну, я, как дура, бегу готовить. Наготовила, сижу. Вечером приходит Артур, я его кормлю, идем в постель, бурный секс, и баиньки. Утром опять: «Детка, я так тебя люблю. Жди меня с ужином». Я опять готовлю и сижу целый день, как дура, в пустой чужой квартире. И так каждый день.

— Там что, телевизора не было?

— Эль, ну я — образно! Телевизор был, конечно, и еще много чего. Что это меняет? Я что, целый день должна в телевизор пялиться?

— Ну, пошла бы погуляла.

— А я и пошла. Чего, думаю, я все сижу? А пойду-ка я погуляю, хоть свежим воздухом подышу. Подхожу к двери, а она закрыта. Я ее

подергала, а ключей-то у меня нет. Представляешь, он меня, оказывается, на ключ запирает! Я, конечно, взбесилась. Вечером ему такое устроила! А он глазами хлопает: извини, говорит, не знал, что ты куда-то пойдешь, ведь я продукты приношу.

— Но ключ-то он тебе дал?

— Дал, конечно, куда он денется! Только не ходи, говорит, далеко. Ты города не знаешь, еще заблудишься. Или пристанет кто-нибудь, здесь маньяков много. Гуляй вокруг дома.

Мы расхохотались.

— Ой, мать, это умора!

— Элька! Да это полный маразм! Я, как собачка для него, наверное, была.

— Ну ладно, а дальше-то что?

— Да что дальше. Ну, хожу я, гуляю... —

Светка прыснула. — А денег-то у меня ни хрена нету. Прошлась по магазинам, купить ничего не могу. В кино пойти не могу. В кафе зайти не могу. Хожу, как дура, по улицам. Вечером Артуру говорю: «Слышь, Зайка! А дай-ка мне денег, я тут кое-что присмотрела, купить хочу». Он так потрясен был! Зачем тебе, говорит, деньги, любимая? Продукты я покупаю, а на одежду я пока не планировал, я за джип должен, вот отдадим, и я все тебе куплю сам — все, что захочешь.

— Прикольно! Свет, а он вообще никуда тебя не водил?

— Что ты! Да он за копейку удавится! Он мне рассказывал, что раньше, до меня, он ходил по барам, чтоб телку снять, а со мной он не видел смысла куда-то идти. Зачем деньги тратить? Дома ведь можно поесть, причем кухарка бесплатная.

— И давалка! — выпалила я, и мы снова расхохотались.

— В общем, просидела я так месяц и чувствую, что скоро на стену полезу. Говорю Артуру: «Заяц, я решила на работу устроиться. И мне повеселее, и тебе полегче. Буду вносить свой вклад в семейный бюджет, да и денег у тебя просить не буду». Знаешь, как он взвился! Только через мой труп, говорит. Чего тебе не хватает? Я для нас двоих стараюсь! Что, одежду тебе не купил? Так ты же все равно никуда не ходишь, дома сидишь. Что, по кабакам мы не ходим? Мы семейные люди, а там одни алкаши и проститутки. Скучно ей, видите ли! Шей, вяжи, вышивай, займись каким-нибудь рукоделием, чем все женщины занимаются. А хочешь, давай родим ребенка, тогда тебе будет, чем заняться. Я ему говорю: «Артурчик! Детей не от скуки рожают. И вообще, какой тебе ребенок? У тебя ни жилья своего, ни денег, а только долги. Вот выгонят нас завтра отсюда, куда мы пойдем? Да еще с ребенком! Мы ведь даже не расписаны, да и замуж ты меня еще не звал. Какой ребенок, Артурчик, о

чем ты?» В общем, пошла я искать работу.

— Что, отпустил-таки?

— Да куда он денется, ты ж меня знаешь! Правда, бычился с неделю, спал на диване. Это он мне такое наказание придумал — секса лишил. Я раньше думала, что так только бабы делают, но еще и мужики, оказывается. А мне по фигу, я ж не озабоченная, сам же первый и приполз.

— Нашла работу-то?

— Нашла! В фирму устроилась, которая вином торгует. Я теперь там менеджер по продажам. Так в этих винах насобачилась, теперь любого сомелье за пояс заткну. Кстати, это вино как раз с нашей фирмы. Нравится?

— Да. Классное, — я посмотрела на пустую бутылку и убрала ее со стола.

— Ну вот. Стала я работать. Артур, конечно, скрежетал зубами, но мне его скрежетание по барабану. А потом он, вроде, смирился и даже иногда стал меня с работы забирать на своем джипе. Проходит месяц, и Артурчик меня спрашивает: «Когда зарплата?» Я говорю: «Скоро, дорогой, а что?» А он мне и выдает. Давай, говорит, так теперь будем жить. У нас долг за джип, ты знаешь. Чем быстрее его отдадим, тем лучше. Сразу начнем в свет выходить, одежду покупать, и вообще развлекаться. А сейчас давай на твою зарплату будем продукты покупать, а я все, что

зарабатываю, буду за джип гасить. Так мы побыстрее с долгами рассчитаемся, и сразу станет легче. Элька, усекла?

— Айда Артурчик! Хорошо устроился! — я захлопала в ладоши.

— Вот-вот. Деловой какой. Я, значит, буду его кормить, а он будет свой джип отрабатывать. А потом меня пинком под зад — спасибо, дорогая, за все.

— Ну, а ты что?

— А что я? Я ему говорю: «Ты, дорогой, свои долги ко мне не привешивай. За джип должен ты, а не я, потому что он твой, а не мой. Я тебе даже не жена. Совместного имущества у нас нет, увы. Мы с тобой живем два месяца в чужой квартире, если завтра разбежимся, никто никому ничего не должен». Он говорит: «Ну, я же тебя кормил два месяца». Я говорю: «Ты меня кормил? Я так много съела? Я и так ем, как птичка, а от сидения в четырех стенах у меня даже аппетита-то не было. Это я тебе два месяца бесплатно готовила, стирала, убирала, да еще спала с тобой! Если все мои услуги на деньги перевести, ты мне еще должен будешь!» А он говорит: «Я думал, мы — семья». Я ему: «Семья у нас — ячейка общества, она в загсе регистрируется. Но что-то мне и в загс с тобой уже не хочется, вот сижу и думаю — с чего бы это?» В общем, получила я свою зарплату и ушла от него.

Сняла квартиру с одной девчонкой напололам. Слушай! — всполошилась Светка. — Времени-то уже двенадцатый час! Где же твой Денис-то ходит? Он когда домой возвращается?

— А Дениса нет, — я запнулась, потому что у меня пикнул телефон. Пришло сообщение: «Эля, ответь мне, пожалуйста, я же волнуюсь. У тебя все нормально?» Ну вот, вспомни дурака, он и появится. Я нажала «удалить».

— Бросил он меня. То есть, я его выгнала. Чуть-чуть не успел сам бросить.

— Как это? — изумилась Светка.

Мы все-таки открыли виски и до четырех утра перемывали Денису кости.

Я приехала на работу к обеду. Маринка сидела за компьютером. Она подняла голову и пристально посмотрела на меня.

— Ну, вот, вижу — приходишь в норму. Как дела? Светка приехала?

— Приехала. Помнишь про ее Артура, крутого такого на джипе?

— Это Аполлона что ли? Конечно. Такой мужик, такой мужик! И что?

— Никакой он не бизнесмен оказался, а так, барыга, китайским фуфлом чуть ли не в подворотне торгует. Весь в долгах. Да еще захотел, чтоб Светка его кормила. Послала она его. Хочешь

подробностей, приходи. Светка о нем так уморительно рассказывает, обхохочешься! Мы с ней до утра почти просидели.

— А как твой хрен? Не проявлялся?

— Эсэмэсит.

— Я ж говорила! Что пишет?

— Да так, ерунду всякую. Типа переживает, как мои дела.

— А ты что?

— Ничего. Мариш, у нас нигде газеты бесплатных объявлений не валяются? Хочу объявления о работе почитать.

— Где-то были.

Маринка нашла мне две таких газеты. Я стала искать рубрику «Требуется». Нда, не густо. Раньше, помнится, она у них целую страницу занимала, а сейчас одна колоночка. Таксисты, экскаваторщики, разнорабочие, грузчики, укладчики кирпича и один музейный сотрудник, оклад 4000 рэ — все, что требуется сейчас нашим работодателям для полного счастья. А чего ты хочешь? Кризис!

— Марин, что делать-то? Ну, ни одной мало-мальски подходящей вакансии. Ни одной! На экскаваторщика что ли пойти поучиться? Или в таксисты податься? А что, права есть, машина тоже.

— Эль, с ума сошла такую машину гробить? Да там знаешь, какие клиенты бывают?

Пьяные-сраные. Они тебе весь салон загадят, да еще пристукнут ночью где-нибудь и машину отберут.

— Да ладно, шучу я.

В другой газете я увидела то, что меня заинтересовало: «Продовольственной компании требуется торговый представитель. Требования: коммуникабельность, личный автомобиль. Зарплата: оклад + проценты, бонусы. Сотовая связь, GSM и амортизация за счет фирмы. ООО «Вкусный стол». Я набрала указанный номер и, пообщавшись с приятным мужским голосом, получила приглашение на собеседование.

— Когда Вы сможете подъехать? — трубка прямо ласкала ухо.

— Когда я смогу подъехать? — переспросила я для Маринки, и она показала мне три пальца.

— Через три часа Вас устроит? — сказала я в трубку.

— Будем Вас ждать, — пробасила трубка.

Через три часа я входила в отдел кадров «Вкусного стола». Обладателем приятного баса оказался не менее приятный молодой человек по имени Кирилл.

— Эллина! Какое у Вас редкое имя!

— Спасибо, Кирилл, Ваше имя тоже довольно редкое.

— Но у Вас более редкое!

— Что Вы, что Вы...

Обменявшись любезностями, мы приступили к выяснению моей профпригодности. Узнав, что у меня два высших образования и большой опыт работы в продажах, Кирилл почему-то смутился и больше расспрашивать не стал. Он выдал мне анкету, попросил ее заполнить, а сам куда-то убежал.

Анкета у них была своеобразная, а некоторые вопросы буквально обязывали юморить. Например, на вопрос «Служили ли Вы в армии, и если нет, то укажите причину?» я написала: «Нет, не подошла по половому признаку». На вопрос «Сколько Вы хотели бы зарабатывать?» захотелось ответить: «Миллион», но я не стала наглеть и написала «30–50 тысяч рублей». Как только я закончила и положила ручку, дверь тут же открылась, как будто за мной подсматривали. Кирилл вошел не один, он привел представительного мужчину, бросив на которого один взгляд, я сразу определила, что это, как минимум замдиректора, а то и сам генеральный. Неужели так подхожу — екнуло сердце.

— С Вами будет беседовать Игорь Борисович, — представил его Кирилл, а сам удалился.

— Ну с, молодая леди. Давайте посмотрим Вашу анкетку, — сказал Игорь Борисович и бегло

просмотрел мою анкету. Потом он уставился на меня сверлящим взглядом.

— А откуда Вы к нам приехали?

— Я — местная, я здесь родилась, в анкете написано.

— Я спрашиваю потому, что вид у Вас не совсем русский. А в анкете написать можно все, что угодно.

— У меня дедушка был узбек, но он всю жизнь прожил в России.

— Ах, даже так!

— Даже так!

Игорь Борисович засмеялся.

— Я смотрю, Вы вообще своеобразная леди. С такими данными, как у Вас, Вам в начальниках ходить надо, а Вы ходите в безработных и хотите быть торговым представителем. А Вы знаете, что это за работа? Это же надо пороги обивать, ездить, бегать и даже прыгать! Волка ноги кормят — это такая работа.

— Я прекрасно знаю, какая это работа. Мне приходилось писать инструкции именно для торговых представителей, как им лучше привлекать новых клиентов и удерживать старых.

— А что еще Вам приходилось писать?

— Как продавать товары по телефону, как проводить прямые продажи, как выводить новый товар на рынок, как для старых товаров находить

новые рынки...

— Достаточно, — оборвал меня Игорь Борисович. — То, что язык у Вас хорошо подвешен, это я вижу. А теперь главный вопрос. Вы написали, что хотите зарабатывать 30 тысяч. С чего Вы взяли, что мы будем Вам платить такие деньги?

Я растерялась. Но молчать было нельзя, поэтому я начала говорить первое, что придет в голову. Потом я, конечно, пожалела об этом.

— Я думаю, что в такой большой и успешной компании, как Ваша, я вполне могу зарабатывать такую сумму. Я посмотрела в интернете Ваш сайт, у Вас хороший ассортимент. Если хорошо его продавать, разве такую зарплату невозможно заработать?

— И какой оборот Вы нам за такие деньги можете обещать?

Я удивилась.

— Как я могу называть Вам какие-то цифры? Я не знаю, какой у Вас сейчас оборот, какие условия оплаты. Если Вы мне это скажете, я могу посчитать.

— На данном этапе для Вас это коммерческая тайна.

— Тогда я не знаю...

— Ну, вот видите, не знаете, а хотите 30 тысяч. Что, конкретно, Вы можете предложить нам за эти деньги?

— Я могу предложить Вам свои знания, опыт, коммуникабельность.

— Пока я вижу только коммуникабельность. Даю за нее 3 тысячи, на 30 маловато.

Я начала терять терпение, не понимая, чего от меня хотят.

— Игорь Борисович, а что Вы так сосредоточились на этих тридцати тысячах? Это вообще-то нижний порог желаемого мной вознаграждения. Это что, такая запредельная сумма? Если она Вас так сильно смущает, давайте забудем о ней. В анкете был вопрос «Сколько Вы хотите зарабатывать?» Я на него ответила. Хотите и будете совпадает не всегда. А других вопросов, кроме зарплаты, у Вас ко мне нет?

Казалось, Игорь Борисович сбавил обороты. Он взял мою руку и, глядя на нее, по-отечески нежно спросил.

— Скажите, прекрасная леди. Почему Вы выбрали этот перстень? Чем он Вас привлек? Если, конечно, Вам его не подарили.

— Не подарили. Я купила его сама. Он мне понравился.

— Это понятно. А чем именно он Вам понравился?

— Мне понравилось сочетание желтого и белого золота, которое красиво переливается на солнце.

— Вы даже не знаете того, что именно такие решетчатые перстни носили древние угры, которые жили в нашей местности? — Игорь Борисович резко встал. — Мы Вам позвоним!

— До свиданья! — я вылетела из кабинета. Это же надо! Да он просто больной на всю голову!

На работу я вернулась расстроенная. Был вечер, все уже ушли. Маринка, как самая стойкая, сидела в гордом одиночестве за компьютером.

— Ну, что?

— Да ничего! Маразм полный! — я поведала Маринке историю собеседования. — И, главное, что меня больше всего бесит, что он меня поймал неожиданным вопросом, и я начала нести полную ахинею. Я такая, долго соображаю.

— Какую ахинею? По-моему ты все правильно говорила.

— Да про этот оборот! Какой оборот я им могу обещать за зарплату в тридцать тысяч? Когда я вышла оттуда, я поняла, что это на самом деле глупый и смешной вопрос. Поэтому я и была к нему не готова. Я же думала, я с адекватными буду общаться.

— Эля, не части, помни, что ты говоришь с простыми смертными. А почему глупый вопрос?

— Мариш, понимаешь, эта работа не предполагает оклад, то есть не предполагает

зарплату, за которую работник сидит, и то ли работает, то ли нет. Может, он на одноклассниках сидит или в компьютер режется, а ты ему плати. Эта работа — это сделка, сколько потопаешь, столько и полопаешь. Человек получает проценты с оборота или с прибыли, которую он же тебе и приносит. Так что в его интересах пахать, как папа Карло, и делать для тебя максимальный оборот или максимальную прибыль! Усекла?

— Ну, допустим...

— В таком случае, чем больше человек хочет зарабатывать, тем больше он будет пахать. А какой у них будет при этом оборот — это они должны представить сами. Они же знают свои условия оплаты. А для посторонних, таких, как я, они — пока тайна.

— Эля, успокойся! Ты можешь по-русски говорить? Я, например, ничего еще не поняла!

Я взяла калькулятор, лист бумаги и начала Маринке объяснять на пальцах.

— Вот смотри. Зарплаты у всех торговых разные — это зависит от организации, на которую они пашут. Как правило, есть маленький оклад, рублей 500-1000 — это за то, что они просто ходят по клиентам, в том числе и по тем, которые ничего не заказывают. Остальная зарплата — это проценты с оборота или прибыли, то есть конкретно с заказов. Если фирма платит торговому 3 % с оборота, то,

чтобы ему на собственные нужды заработать 30 тысяч, ему нужно сделать фирме оборот в 900 тысяч. Если он получает 5% с оборота, то ему нужно сделать для фирмы уже только 850 тысяч оборота и так далее. Так что переплата по зарплате в любом случае исключена. Это — сделка, и надо брать тех, кто хочет побольше заработать. Я вот думаю: неужели Игорь Борисович этого не знал?

— А что, у них у всех зарплаты разные? — спросила Маринка.

— Конечно, Мариш, это же рыночная экономика. Сейчас ни цены, ни зарплаты никто не регулирует, только рынок. Если у тебя эксклюзивный товар, или ты — уникальный специалист, лупи цену по полной катушке, все равно купят! А эти лохи ищут тех, кто согласен на маленькую зарплату. Да у них с башкой не в порядке! И зачем мне нужны такие работодатели, которые в элементарный калькулятор не врубаются. С такими не то, что много не заработаешь, а еще потом всем должен останешься. Я бы на их месте искала людей, которые сто тысяч хотят зарабатывать, а еще лучше миллион, потому что если торговый хочет заработать для себя миллион, то он тебе принесет 97 миллионов в клювике. А им нужен тот, кто на три тысячи согласен. В таком случае, у них будет оборот 97 тысяч. Поняла?

— Ага. Неужели они этого не знают? —

удивилась Маринка.

— Мариш, вот и я думаю, что за дела? Такого не может быть! Люди, которые занимаются бизнесом, любят работников, которые стремятся заработать, потому что они твой бизнес буквально вынесут на своих плечах. Да! Пусть из личных, корыстных побуждений. А ты, дорогой, открывая бизнес, не заработать, что ли, хотел? И это двигатель! А тот, кто согласен на малое, кто готов работать за три тысячи, тот и тебя в свою ямку затаскивает, в свои унылые 97 тысяч, а ты идешь на такое.

— Эля, я думаю, что Игорь Борисович — не такой уж тупой, и все это знает. У меня тут возникла другая мысль.

— Какая?

— Скорее всего, этот Игорь Борисович — не владелец этого бизнеса, и не генеральный. Он просто наемный работник. А то, что он — представительный, так и мы с тобой такими станем, если перестанем следить за фигурой. Я думаю, он просто сразу просек, что если он сейчас тебя возьмет на работу, то при каком-нибудь случае ты так двинешь крышу генеральному, что потом окажешься уже на месте Игоря Борисовича. А Игорь Борисович потом будет обивать пороги, бегать и прыгать уже вместо тебя.

— Маришка, как же мне это знакомо. Ну что,

я должна притворяться глупее, чем есть?

Когда я ехала домой, мне позвонила мама.

— Эля, дочка, как у тебя дела? Я так за тебя переживаю! А сегодня ночью видела плохой сон, как будто ты идешь по реке и проваливаешься под лед. Я проснулась прямо в холодном поту! У тебя все нормально? — голос у мамы был очень встревоженный. Бедная мама!

— Да все хорошо, мам, все у меня нормально. Значит, долго жить буду, такие сны наоборот толкуются.

— Ты работаешь?

— Да, мам, как раз сейчас с работы еду. Там Света ко мне приехала, наверное, ждет.

— А как Димочка, он звонил? — спросила мама, и я вспомнила, что очень давно не разговаривала с собственным сыном, потому что обычно ему звонила я, а тут такие дела, что как-то было не до этого.

— У него все хорошо, мам, скоро приедет, будет новый год встречать дома. И ты к нам приезжай, встретим все вместе.

— Не знаю, дочка, у вас там молодежь будет, и я вам помешаю, наверное. Ну, там видно будет, еще же целых две недели. Мне тут Денис звонил, — мама замолчала.

Я резко притормозила, свернула на обочину и

заглушила двигатель.

— И что?

— Жаловался и просил помощи.

— Какой еще помощи?

— Говорит: «Лариса Ивановна, Вы никому не верьте, чтобы Вам про меня ни рассказывали. Я Элю люблю и ей никогда не изменял. Я чем угодно поклясться могу. Я звоню ей, а она трубку не берет. Что мне делать, Лариса Ивановна? Поговорите с ней, пусть она хотя бы выслушает меня!»

— Мам, ну это уже ни в какие ворота не лезет! Уже и к тебе побежал. И не звонил он мне, а только глупые смс-ки пишет. Врет на каждом шагу!

— Я вот что думаю. Он, наверное, одумался, жалеет, что так поступил. Может, тебе дать ему еще один шанс?

— Мама, но ведь он ничего не просит у меня! Какой шанс, о чем ты? Он мне шлет тупые смс-ки: как дела. Я что, должна в его игры играть, тоже всякую тупость писать, типа, хорошо, спасибо? Может, мне еще сделать вид, что у нас с ним все нормально? Мам, это бессмысленный разговор, давай его прекратим.

— Ну, смотри, дочка, тебе виднее. Ты, главное, не переживай и побольше кушай. А мужчины появятся, ты же у меня красавица.

— Да, мам, конечно, все будет хорошо, — я положила трубку и поехала домой.

Уже в подъезде витали вкусные запахи — Светка нажарила котлет и сделала салат. Она начала меня кормить чуть ли не насильно, пришлось сделать усилие и для вида отведать ее стряпню.

— Ну, как прошел день?

Я рассказала про неудачное собеседование. Светка сочувственно поахала.

— Элька, не расстраивайся, это только первое твое собеседование. Ты же знаешь, чтобы что-то удалось, нужно совершить десять проб и ошибок. Из десяти попыток одно попадание считается хорошим результатом. Так что у тебя еще все впереди.

— Ну а ты чем днем занималась? Гуляла вокруг дома?

Мы засмеялись. Оказалось, у Светки был насыщенный день. Она все-таки навестила маму и бабушку, насочиняв им с три короба, как хорошо и счастливо они живут с Артуром, помыла им полы и купила продуктов, зашла к одной своей подружке — однокласснице, а потом вернулась домой, то есть ко мне, где занялась готовкой. Остаток вечера Светка провела в своем любимом, обожаемом интернете, где вовсю опять табунились кандидаты в мужья.

— Элька, пойдем, я тебе покажу такого кадра — закачаешься! — Светка уже тянула меня в

спальню к компьютеру.

— Свет, ты иди, а я подойду попозже, мне Димке позвонить надо, — ответила я и набрала Димкин номер.

— Сынок, привет! Как дела?

— Привет, мам, все нормально!

— Ты когда приедешь?

— Двадцать седьмого числа. У нас двадцать восьмого экзамен, но мне его преподша автоматом поставит. Как дома?

— Дома все хорошо, сынок.

— А что у вас случилось с Денисом? Вы, что, поссорились?

— Нет, сынок, у нас все хорошо, с чего ты взял?

— Мам, да в курсе я, он мне звонил.

— Он тебе звонил?

— Он мне сначала смс прислал, спрашивал, как дела, а потом позвонил и все расспрашивал, как и что, как учеба, когда приеду. Я, конечно, сильно удивился и спросил, что случилось? Он же мне никогда раньше не звонил просто так. А он мне сказал, что вы поссорились, и он сейчас живет отдельно, но очень скучает. Так что все-таки у вас случилось? Вы расстались что ли?

— Сынок, это не телефонный разговор. Приедешь, поговорим. Приезжай, я тебя очень жду, — я положила трубку и отправилась к Светке

в спальню.

Светка сидела на «мамбе» и вовсю пудрила мозги мужикам. Она показала мне фотографию одного воздыхателя.

— Элька, смотри, какой классный перец! На свидание зовет!

— Свет, да это же Дин из «Сверхъестественного»! Это не его фотка, он вместо себя актера вывесил. Ты что, «суперов» не смотрела?

— Точно! А я-то думаю, где я его уже видела? Вот урод. Страшный, небось, вот и скрывает свой фейс, — Светка со вздохом послала «Дина» в игнор.

— Элька, а давай мы и тебя зарегим? Пообщаешься! Глядишь, и себе кого-нибудь присмотришь? Тут народу много, почти сто тысяч!

От нечего делать мы меня зарегистрировали и заполнили анкету, изощряясь в остроумии и без конца покатываясь со смеху. На вопрос «Что Вы будете делать в свободный день?», мы написали «Покатаюсь в оленьей упряжке». На вопрос «Ваши увлечения?» ответили «Только секс» и все в таком духе. Анкета получилась разбитная и веселая, а ее обладательница представляла наглухо отмороженной девицей самого несерьезного поведения. Фотографии мы, правда, разместили настоящие и

указали настоящий возраст, так как я настояла на этом — в любой шутке должна же быть доля правды, тем более мне хотелось привлечь мужчин постарше и сразу отшить всех озабоченных юнцов, которые предлагали Светке «куни» сразу после «здрасьти». Особо было указано, что к общению приглашаются свободные мужчины без жен, в том числе гражданских, в возрасте 35–40 лет, с чувством юмора и серьезными намерениями. Всем прочим предлагалось не беспокоиться.

И началось! Посыпались приглашения к знакомству. Кого там только не было, начиная с 20-летних любителей «куни» и заканчивая 60-летними «опытными, но юными душой и телом мужчинами, желающими серьезных, но страстных отношений». Занятие оказалось настолько затягивающим, что через пять часов я все еще сидела за компьютером, время от времени заливаясь хохотом, и оглядываясь на Светку, которая недовольно морщилась и ворочалась во сне на моей кровати.

После многоуровневого отсева у меня ситуация более-менее стабилизировалась, и осталось три постоянных собеседника, с которыми наладилось равно-интеллектуальное и многообещающее общение. На первом месте был, конечно, Толик — красивый, судя по фото, разведенный и ранимый поэт, с которым мы

постепенно перешли на общение в частушках. Толик под натиском вопросов раскололся, что не такой уж он свободный, как требовалось. У него есть молоденькая девушка, с которой он встречается, но ему с ней скучно, и еще бывшая жена, которую он периодически навещает, чтобы решать ее бытовые проблемы. При этом, с обеими женщинами Толик спит. На это я ему написала:

*Толик седня с бывшей,
Завтра с молодой.
Он у нас свободный,
Парень холостой!*

Толик обиделся и пригрозил меня отправить в «игнор», на что получил:

*Меня в игнор отправил Толя.
Сижу в игноре. Это — горе!*

Толик завелся и написал:

*Сняла фотку на диване,
И на фоне коврика.
Почему ж никто не пишет,
Кроме маво Толика?*

Я ему ответила:

*Затащила Тольку в койку,
Только там брыкаеца.
Начала яво ласкать,
Только укрощаеца!*

Толик дал мне сдачи:

*Нанесла я на лицо
Полкило косметики.
Вот тупые мужики,
Шлют одни приветики!*

Я ему ответила:

*Слишком умные мужчины
В мамбе тут толпяца.
Бедной девушке никак
Не хотят отдаца!*

Толик помолчал и сказал, что он со мной соревноваться не собирается, хотя мог бы, конечно, меня уgomонить, если бы захотел. На это я начала его брать на «слабо», и он написал:

*Не поможет цитрамон,
Нужен Эльке угомон!*

Я ответила:

*Не поможет анальгин,
Нужен Толька мне один!*

В итоге Толик сдался, сказал, что я сегодня явно в ударе, меня не переплюнешь, и предложил встретиться: «Приезжай завтра в обеденный перерыв ко мне на работу. Тут у нас внизу кафе есть, посидим, потрещим».

Это предложение меня удивило. Вот чего мне еще никогда не приходилось делать, так это приезжать самой к мужчине, да еще на работу! Я сказала, что завтра в обед я буду занята и предложила встретиться вечером где-нибудь на нейтральной территории.

— Вечером не смогу, — ответил Толик. — Я буду сидеть с ребенком. Где мама этого ребенка? Мама у себя дома! Нет, она с нами не живет. Сын живет со мной.

Я предложила Толику взять ребенка с собой, чтобы погулять всем вместе, на что Толик возмущенно заявил, что мальчика он на свидания не берет.

— Сколько лет сынишке? — поинтересовалась я.

— Мальчику 12 лет, — ответил Толик.

— Маленький совсем еще. Такого ни в коем

случае не оставляй одного! — посоветовала я. На это Толик сказал, что я, кажется, стерва, и у нас вряд ли что-то получится. На том мы и остановились.

Вторым собеседником был высокий лысоватый индивид под зоологическим ником «Питон». Довольно бесцеремонно, но остроумно, он мне объяснял, что я — б/у, женщина с ребенком, в общем, я с прицепом, и что на хорошую партию мне в моем положении рассчитывать не приходится. Вот он, например, никогда женат не был, свежак, так сказать, к тому же успешный бизнесмен, и в свои 42 года наконец-то решился найти половину, девушку без прошлого, мать своих будущих детей, но только в этой «мамбе» что-то таких нет, одни сопливые малолетки и бэушницы-разведенки.

Я его несколько раз скидывала в «игнор», но он всякий раз непонятным образом оттуда выползал и продолжал вправлять мне мозги. Настроившись на его грустную, ироничную манеру общения, я продолжала с ним беззлобно перекидываться оскорблениями. На вопрос «хочу ли я еще детей», я растерялась и, сама не знаю почему, совершенно искренне ответила, что мне бы не помешала еще дочка. Через пару часов, чересчур увлекшись рифмоплетством с Толиком, я вдруг заметила, что Питон куда-то исчез, так как перестал реагировать

на внешние раздражители. В то же время он был в сети, видимо, общался параллельно еще с кем-то. Приревновав, я ему написала:

*Выйду я на улицу,
Выйду на крыльцо,
Платишко красивое,
А еще — лицо.
Волосишки длинные
На спине висят.
Очень ребятушки
На мене глядят!
И пускай ребятушки
Табуняются вслед.
Где же мой удавушка?
А его все нет.
Этот животинушка
Ползает сейчас,
Там где девки чуждые
Раздвигают таз.
Девки сильно алкают,
Становятся в очередь.
Ну и хрен с ним! Не подходит
Под отца для дочери!*

Питон сразу востепенел, сказал, что он тоже поэт, но процитировал почему-то Губермана:

*Сижусь всю ночь, смотрю в экран,
Как раб компьютерной культуры.
Но не работник я пера,
А дятел у клавиатуры!*

Потом, уже как с родной, он поделился своими переживаниями.

— Эль, зайти на мою страничку, у меня там объява новая, скажи свое мнение!

Я зашла на его страничку и действительно увидела там такое объявление: «Требуется привлекательная спутница в совместное 2-недельное турне на Шри-Ланку. Путевку и свои расходы каждый оплачивает сам. Советами и с оформлением документов помогу».

— Что, девки с ума сошли от счастья, и ринулись одолевать своими кандидатурами? — спросила я.

— Нет, — кисло ответил питон. — Спрашивают, почему на Шри-Ланку? У них фантазия дальше Египта и Турции не распространяется. Так пока еще ни одной, конкретно согласной не нашлось.

— Я думаю, дело не в месте назначения, — посочувствовала я. — Попробуй написать «все расходы беру на себя». Увидишь, сколько будет желающих ехать с тобой, хоть на край света.

— Я что, больной что ли платить за этих дур?

Я — вожак стаи! Зачем я буду обманывать?

— Как это? — удивилась я. — Ты приглашаешь девушку поехать вместе с тобой на отдых. Это предполагает, что у вас там будут отношения. Возможно, это выльется во что-то большее. Ты же жену ищешь, мать твоих детей. Тебе что, денег за нее заплатить жалко? А, представь, что где-то сидит твоя судьба, а у нее денег просто нету. Ты же молодую хочешь, а, может, она студентка? Где она такие деньги возьмет?

— Да полно у них денег, больше, чем у меня! Там и студентки едят, и дело не в деньгах!

— А в чем? Что, стипендию повысили?

— Да ты не врубаешься! Не дам я им себя поиметь! Пускай сначала платит за себя сама! А там видно будет!

«Я не поэт, но я скажу стихами», — подумала я и сочинила ползучему гаду стишок:

Кто на Шри-Ланку со мной?

Там красивый берег.

Бизнесменчик я крутой,

Только нету денег.

Не слежу я за метлой,

Я — электровеник.

Я, девчонки, не скупой,

Просто нету денег.

*Будем там детишек мы
Делать до рассвету.
Я — возжатистый возжак!
Только денег нету.
Заплати, детишков мать,
С тебя не убудет.
Денег нету на тебя,
И учти — не будет.*

Питоша на такие слова не обиделся и пригласил меня к себе домой. Он рассказал, что у него очень красивый трехэтажный дом, и мне обязательно у него понравится. А еще у него большая собака — лабрадор Мазепа, который тоже одинок. Вот такие, два жениха, заключил Питон, и мы оба к твоим услугам. Перспектива меня не вдохновила, особенно когда я представила, какие услуги мне может оказать Мазепа.

Третьим моим собеседником все это время был некий Евгений, 38-ми лет, который писал редко, но большими письмами, видимо, тщательно обдумывая и подбирая слова. Он поведал, что никогда не был женат, но отношения у него, конечно, были, просто не сложилось в силу объективных причин. Что он всего себя посвятил науке, и большую часть жизни провел за рубежом — в Италии и во Франции. На родину вернулся недавно по просьбе матери, которая нуждается

сейчас в его заботе. Дальше он красочно описывал виды и нравы Парижа, Рима и Неаполя. Честно говоря, читать все это было интересно, поскольку слог был действительно хорошим. В два часа ночи Евгений все же осмелился и пригласил меня в ресторан. Перечитав всю нашу переписку и внимательно изучив десяток фотографий с Евгением на фоне Эйфелевой башни, Карфагена и других экзотических пейзажей, я... согласилась!

Утром я рассказала Светке подробности ночного бдения, и что у меня сегодня вечером намечается свидание в ресторане. Светка похвалила за храбрость, но советовала не относиться к происходящему слишком серьезно.

— Помни про неизбежные десять попыток, — втолковывала мне она. — И не вздумай бросать переписку с другими претендентами.

Я пообещала быть холодной, черствой, расчетливой и, более того, коварной.

— Правильно, умничка, схватываешь на лету, — заключила Светка и стала готовиться к отъезду, поскольку завтра ей надо было выходить на работу в торгово-винные пенаты.

Проводив ее на вокзал, я отправилась на работу. Издательство гудело, как улей, и было полно народу. Маринка, увидев меня, сделала большие глаза и поманила к себе пальцем. Не

говоря ни слова, она показала мне сообщение, которое пришло ей на электронную почту: «Марина! Ты умная, дай мне совет. Я просто подыхаю. Не думал, что может быть так тяжело. Мне осталась одна дорога — в психушку или на кладбище. Что мне делать? Может, посоветуешь какие-нибудь таблетки? Денис».

— Так у него сколько дорог осталось — одна или две? — спросила я.

— Что ему ответить?

— Посоветуй цианистый калий, говорят, помогает. Интересно, он знал, что ты мне это письмо покажешь?

— Сто процентов. Я думаю, именно на это он и рассчитывал. Что делать собираешься?

— Я собираюсь сегодня на свидание с романтическим Евгением — одинокой и всеми покинутой душой, которая недавно прилетела к нам из Парижа на постоянное место жительства.

— Где ты его выцепила?

— В интернете, — ответила я и предложила поработать.

Вечером я собиралась на свидание: по всей квартире валялись бигуди, лаки для ногтей, колготки и заколки. Евгений обещал заехать за мной ровно в девять. Пять минут десятого я вылетела из подъезда, на ходу застегивая шубу. Возле дома стояла новенькая иномарка, а рядом —

невысокий крепкий мужчина, похожий на Лужкова.

— Ты Эллина? Я тебя сразу узнал. Ты точно такая же, как на фотографии. А я Евгений, — представился он.

Я улыбнулась и хотела сказать ему что-нибудь аналогичное, но передумала и врать не стала — на фото в интернете он явно был моложе и представал в более выгодном свете. Может, из-за Карфагена? Он открыл мне дверь, усадил в машину и повез в ресторан.

Был будний день, и в полутемном небольшом зале рестораника было малоллюдно и по-домашнему уютно. Евгений заказал мне бокал вина, а себе салат, так как я сказала, что уже поужинала. Он сидел напротив, пристально меня разглядывал, широко улыбался и осторожно расспрашивал о жите-быте.

— Как такая женщина может быть одна? Куда ты дела мужа?

— Мы расстались по обоюдному желанию.

— Давно?

— Три недели назад.

— А... Тогда все понятно. Страдаешь? Может, еще все наладится?

— Не думаю, — я перевела разговор в другое русло. — Евгений, а тебе, правда, 38 лет?

— Что, выгляжу старше?

— Да, — просто сказала я. — Я бы дала тебе

больше.

— Эллина, честно скажу, мне — 44.

— Почему же ты так и не написал? Разве мужчины тоже скрывают свой возраст?

— Дело в том, что есть некий психологический рубеж — 40 лет. Когда я честно указывал свой возраст, мной интересовались такие дамы, как бы это помягче выразиться, от 50-ти и старше. А мне хотелось кого-нибудь помоложе — лет тридцати.

Я засмеялась.

— Почему же ты тогда начал знакомиться со мной?

— Когда я увидел твою фотографию, я был восхищен. Тебе больше 25-ти никто не даст. Ты мне очень понравилась. Люблю восточных красавиц.

И мы перешли к моей родословной. Минут через сорок я сказала, что мне пора, так как завтра рано вставать. Евгений меня задерживать не стал. Мы встали и направились к выходу. Подавая мне шубу, Евгений плотоядно пошутил: «Ты такая миниатюрная, так и хочется тебя схватить и съесть». Но домой он меня доставил в целостности и сохранности, а на прощание попросил номер телефона.

Войдя в пустую квартиру, я остановилась перед большим зеркалом в прихожей и заглянула в

свои глаза. Вот тебе и Евгений! Мало того, что вывесил старые фотографии, так еще не накормил, не напоил, и без цветов оставил. Редкий жмот! А я так собиралась на эту встречу! Вздохнув, я пошла раздеваться.

Включив компьютер, я увидела, что мне на электронку пришло письмо.

«Неблагодарная тварь! Если бы ты только знала, как сильно я тебя ненавижу. Ты думаешь, я не знаю, что ты наговорила про меня всем друзьям и родным, и почему они не хотят со мной общаться? Я столько для тебя сделал, а ты, не задумываясь, избавилась от меня из-за ерунды, и отплатила мне черной неблагодарностью. Думаешь, я не знаю, что ты давно ждала удобного случая, чтобы выгнать меня из дома, и обрадовалась, когда он тебе представился?»

Мне сказали, что я вел себя, как альфонс. Это я-то альфонс? Я, который все эти годы работал и тратил все свои силы и деньги на твои дебилские прожекты, а сам ходил в рваных джинсах? Я, который пахал на тебя, сделал ремонт в твоей квартире, чтобы ты смогла ее продать, и ремонт в доме твоей матери? Я, который приходил с работы, готовил ужин и ждал тебя, как собака, каждый вечер, пока ты не надумаешь, наконец-то, заявиться домой? Я прекрасно знаю, что ты только прикрывалась работой, а сама изменяла мне и

вертела хвостом направо и налево. Права была моя мама, когда говорила, что я полный дурак, что пашу на тебя и трачу свою жизнь, потому что в один прекрасный день ты все равно выкинешь меня на помойку, как использованный презерватив.

Я был на твоей работе, и узнал, что тебя выгнали. На радостях, что я ушел, ты пустилась в загул и даже не ходила на работу. Советую тебе продолжать в том же духе, и через пару лет единственным доступным для тебя видом любви будет минет под забором за стакан водки. Еще желаю тебе лишиться последней работы, квартиры, машины и остаться на улице, чтобы ты больше никогда не выделывалась и не корчила из себя бизнес-вумэн.

Ты, наверное, считаешь себя умницей и красавицей? Открой глаза. Ты — старая страшная уродина! Куда тебе до Оксаны — 22-летней девушки, блондинки с длинными ногами и грудью пятый номер. В такую девушку нельзя не влюбиться. Да ты даже рядом не стояла! Кому ты нужна с твоими многочисленными проблемами, работами, кредитами и сумасшедшими планами, которые только тебе кажутся осуществимыми? Где ты еще найдешь такого дурака, как я, который будет тащить тебя — чемодан без ручки? Нет, ты теперь всю жизнь будешь одна, и ты будешь волком выть от злобы, тоски и одиночества. Я хочу, чтобы

ты как можно скорее сдохла, и чтобы я больше никогда о тебе ничего не слышал! Прощай».

На автомате я встала, пошла на кухню и достала из холодильника недопитую со Светкой бутылку виски. Налив себе полбокала, я выпила и села на диван. Дыши, дыши — твердила я себе. Дыши, дыши, дыши! Через полчаса я вернулась к компьютеру и написала Денису ответ.

«Денис. Ты во всем прав. Я плохо обошлась с тобой, и прошу у тебя прощения. Прости меня за все, и я тебя прощаю от всей души. Обида — это будущие несчастья и болезни. Давай простим друг друга — это главное, что мы должны сейчас сделать.

Я очень сильно тебя любила, ты знаешь. Когда ты ушел, мне было очень тяжело. Но потом мне стало легче, пока ты не начал писать. Прошу тебя, прости меня, и не держи на меня зла! Каждый человек имеет право на счастье, и я, надеюсь, что ты счастлив. Каждый человек имеет право влюбиться. Ты вот влюбился, и слава Богу. Желаю тебе крепкой семьи, хороших деток, ты будешь замечательным папой. Твоя Оксана — красавица, люби ее и дорожи ей. Желаю вам счастья и многих лет совместной жизни.

За меня не переживай, я сильная, выпутаюсь. Да, ты прав, проблем много, и это хорошо — есть повод отвлечься от переживаний и заняться делами.

Пожалуйста, не звони и не пиши мне больше. Пока еще все это очень больно. Я знаю, переживется и успокоится, но не знаю, когда. Спасибо тебе за все, что ты сделал для меня хорошего за эти годы. Я это все знаю и помню. Прощай».

Сквозь слезы я отправила письмо и заметила, что у меня дергается правый глаз. Как я ни старалась, он не поддавался моему контролю. У меня уже нервный тик! Так я скоро сойду с ума!

Я упала на постель и полночи ворочалась, представляя, как я стану нервной, больной, трясущейся истеричкой, которая бежит за собственным мужем, доказывая, что она — нормальный человек.

Утром я чувствовала себя совершенно разбитой, как будто из меня всю ночь сосали кровь. Я бродила по квартире растрепанная и в халате, пытаюсь собраться с мыслями и настроиться на рабочий лад. Пока не получалось. Заиграл телефон.

— Эллина, привет. Это Евгений. Как спалось? Ты сейчас занята, я тебя отвлекаю? Какие планы на вечер, может, сходим погуляем? Да, очень холодно, особенно сегодня, а обещают до минус двадцати пяти, ты слышала? В бильярд поиграть? Сохрани этот номер, он мой. Созвонимся вечером часов в семь? В восемь? Хорошо, я позвоню. До вечера!

Ну что, Евгений, дадим тебе еще один шанс,

может, ты реабилитируешься. «И не знаешь, и не знаешь, где найдешь, где потеряешь», — пропела я и включила компьютер, так как надо было срочно дописать статью. Увидев, что от Дениса снова висит письмо, я вздрогнула. Что, разве мы что-то еще не договорили? Да сколько можно!

«Эля! Прости меня за ужасные слова, я их написал от злости, и это все неправда, я так на самом деле не думаю. Я прощаю тебя за все, и ты меня тоже прости за все, что я тебе причинил. Я не хотел! Я тебе, правда, не изменял, я клянусь тебе в этом! Я с этой Оксаной встречался всего пару раз, и мы только гуляли по улице. Когда я потерял тебя, я больше ни разу с ней не встречался, потому что не хочу ее даже видеть.

Я очень жалею, что все так получилось, но назад ничего не вернешь. У меня остались самые лучшие воспоминания о нашей совместной жизни. Ты для меня всегда будешь самым родным, хорошим человечком. Мы можем хотя бы остаться друзьями и чисто по-дружески общаться? Мне тебя очень не хватает. Надеюсь, на твое положительное решение и жду ответа. Денис».

Глаз у меня опять задергался, но я написала: «Хорошо. Согласна остаться друзьями».

Статья вымучивалась трудно, но я все-таки ее дописала, и поехала на работу.

Вечером мы отправились с Евгением в

бильярдный клуб. Там мы играли, угощались ликером, общались уже, как старые знакомые, и много хохотали. При ближайшем рассмотрении он оказался умным, широко образованным человеком, вел себя запросто, компанейски и искрометно шутил. За этот вечер ставки Евгения сильно выросли в моих глазах, и даже мелькнула мысль: интересно, как с ним будет в постели? Но потом Евгений выдал информацию, которая охладила мой пыл.

— Эля, мы сегодня видимся в последний раз, потому что завтра я уезжаю к друзьям в Питер, буду Новый год встречать там.

— Навсегда? — удивилась я.

— На месяц. Так что увидимся уже в конце января. Я, как вернусь, тебе позвоню.

Ну вот, не успели познакомиться, а он уже меня бросает на целый месяц. Мог бы и в Питер пригласить с собой. Я, конечно, отказалась бы, но он даже не позвал, а дал понять, что его поездки и друзья ко мне никакого отношения не имеют. Ну что ж, понятно, на данном этапе я для тебя, Евгений, — никто.

После мероприятия Евгений доставил меня к подъезду и по-хозяйски чмокнул в щеку. Я пожелала ему удачной поездки и веселой встречи Нового года.

В подъезде на ступеньках сидел Денис.